

В.А. Веселов*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПАРАМЕТРОВ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ: РОЛЬ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ФАКТОРА**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Тенденция к резкому росту конфликтности на мировой арене привлекла внимание ученых и экспертов к проблеме устойчивости мирополитической системы, понятийный аппарат оценивания которой сформировался в 1960–1980-е годы. Озвученное в публикациях 1992–2013 гг. стремление ряда авторов списать стратегическую стабильность в архив как устаревшее наследие эпохи «холодной войны» оказалось преждевременным. Адекватной альтернативы этому термину до сих пор не найдено, более того, появилась необходимость вернуться к базовым принципам стратегической стабильности на новой основе. При существующем разнообразии подходов все авторы работ по стратегической стабильности рассматривают цепочку «технологические инновации — военные возможности — политические последствия», отдавая предпочтение разным элементам этой последовательности и их взаимосвязи. В статье ставится вопрос о соотношении стабильности и безопасности в международных отношениях и рассматривается роль технологического фактора на трех исторических этапах: 1) становление представлений о стратегической стабильности (конец 1950-х — конец 1960-х годов); 2) превращение стратегической стабильности из научной концепции в инструмент политической борьбы (вторая половина 1970-х годов); 3) «переосмысление» после окончания «холодной войны». Кристаллизация представлений о стратегической стабильности и ее критериях, проложившая путь к кодификации данного понятия в конце 1980-х годов, происходила в ходе международного «мозгового штурма» в области обычных и ядерных вооружений, завершившегося выработкой важнейших соглашений — ДОВСЕ и Договора СНВ-1. За последнюю четверть века так и не было предпринято серьезных попыток повторить опыт «штурма» для совместной вы-

---

* *Веселов Василий Александрович* — старший преподаватель кафедры международной безопасности факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: vves@fmp.msu.ru).

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-37-11136 «Влияние технологических факторов на параметры угроз национальной и международной безопасности, военных конфликтов и стратегической стабильности».

работки новых формул стратегической стабильности — в сфере обычных вооружений в Европе в отсутствие межблокового противостояния, а в области стратегических вооружений — в условиях «второго ядерного века», одной из характеристик которого служит многополярность. В заключение автор выражает надежду на то, что драматические события 2014–2015 гг. все же послужат импульсом к началу нового «мозгового штурма» в области стратегической стабильности и шире — международной безопасности.

Ключевые слова: международная безопасность, мирополитическая система, дилемма безопасности, стратегическая стабильность, технологический фактор, контроль над вооружениями, ядерное оружие, обычные вооружения.

Тенденция к резкому росту конфликтности в мировой политике, наметившаяся в 2014 г. и укрепившаяся в 2015 г., привлекла внимание экспертно-академического сообщества к проблеме устойчивости мирополитической системы. Спустя четверть века после окончания «холодной войны» возможность прямого военного столкновения ядерных держав уже не выглядит фантастическим сценарием в реалиях 2014–2015 гг. Появилась необходимость вернуться на новой основе к понятийному аппарату, сформировавшемуся в 1960–1980-е годы. Стремление ряда авторов периода 1992–2013 гг. списать стратегическую стабильность в архив как устаревшее наследие эпохи «холодной войны» оказалось преждевременным [Арбатов и др., 2010; Арбатов, Дворкин, 2011].

Следует отметить, впрочем, что объектом критики стала не столько сама стабильность, сколько эпитет «стратегическая», который жестко увязывался с советско-американским противостоянием времен «холодной войны», такими понятиями, как «взаимное гарантированное уничтожение» (ВГУ), «неприемлемый ущерб», «контрсила». Вскоре после окончания «холодной войны» начали предприниматься попытки заменить определение «стратегическая», используемое для характеристики стабильности мирополитической системы, но адекватной альтернативы термину до сих пор не найдено. Предлагались такие варианты, как «взаимная гарантированная стабильность»¹, «ядерная стабильность» [Wirtz, 1998;

---

¹ Report on Mutual Assured Stability: Essential components and near term actions // International Security Advisory Board. 2012. Available at: <http://www.state.gov/documents/organization/196789.pdf> (accessed: 01.09.2015); From Mutual Assured Destruction to Mutual Assured Stability: Exploring a new comprehensive framework for U.S. and Russian nuclear arms reductions. A joint report by the Natural Resources Defense Council (NRDC), Washington, D.C., and The Institute for USA and Canadian Studies (ISKRAN), Russian Academy of Sciences, Moscow. March 2013. Available at: <http://www.nrdc.org/nuclear/files/NRDC-ISKRAN-Nuclear-Security-Report-March2013.pdf> (accessed: 12.09.2015).

Фененко, 2004, 2005, 2006]. С.А. Проскурин предложил использовать специальное понятие «военно-политическая стабильность», отражающее «способность системы военно-политических отношений сохранить свое качество, то есть военно-политическую обстановку, несмотря на противоречивость и разнонаправленность военно-политических целей входящих в нее государств» [Проскурин, 1992: 59; Проскурин, 1995: 146]. По мнению С.А. Проскурина, военная безопасность характеризует, «с одной стороны, собственные возможности государства к противодействию военной силе со стороны других стран, а с другой — состояние системы межгосударственных отношений, особенно на их военно-политическом уровне, то есть она непосредственно связана с состоянием военно-политической обстановки на глобальном, региональном уровнях, а также с обороноспособностью страны <...>. Очевидно, что чем выше уровень военно-политической стабильности, тем выше военная безопасность государств, включенных в систему межгосударственных военно-политических отношений»².

Следует отметить, что при существующем разнообразии подходов все авторы работ по стратегической стабильности в той или иной степени рассматривают цепочку «технологические инновации — военные возможности — политические последствия», отдавая предпочтение разным элементам этой последовательности и их взаимосвязи. Технологический фактор не только сформировал само понятие стратегической стабильности, но и не позволил ему исчезнуть после окончания «холодной войны» вместе с рядом ее атрибутов. Автор видит свою задачу в том, чтобы прояснить вопрос о соотношении стабильности и безопасности в международных отношениях и рассмотреть роль технологического фактора на трех принципиально важных рубежах: во-первых, на этапе формирования представлений о стратегической стабильности (конец 1950-х — конец 1960-х годов); во-вторых, во время «политизации», когда стратегическая стабильность превратилась из научной концепции в инструмент политической борьбы (вторая половина 1970-х годов); в-третьих, в период «переосмысления» после окончания «холодной войны». При этом автор сознательно оставляет за рамками статьи важный предварительный период (середина 1940-х — середина 1950-х годов), когда происходило формирование ядерного фактора в мировой политике [Веселов, 2010]. События данного времени — появление ядерного оружия и первой стратегии его применения,

---

² Проскурин С.А. Место и роль военной безопасности в системе национальной безопасности России. Доступ: <http://www.xserver.ru/user/mirvb/> (дата обращения: 12.09.2015).

формирование теоретических представлений о ядерном сдерживании, «термоядерная революция» и разработка различных средств доставки — имеют большое значение для эволюции стратегической стабильности, тем не менее автор полагает целесообразным рассматривать их отдельно от последующего периода.

* * *

Понятие «стратегическая стабильность» возникло в конкретных исторических условиях 1960-х годов, однако оно служит не просто характеристикой отношений держав в сфере стратегических ядерных вооружений, но является одним из вариантов представления о международной безопасности, ее динамической формой. Уже по этой причине оно не может быть исключено из рассмотрения в связи с завершением породившей его «холодной войны».

В отечественной литературе переход от статике («состояние») к динамике при определении термина «безопасность» был намечен еще в начале 1990-х годов в работах ряда авторов, предложивших понимать безопасность как свойство системы. Например, С.З. Павленко отмечал, что «безопасность любой сложной функционирующей системы (социальной, природной, живой, неживой) — это ее свойство, которое позволяет этой системе функционировать, развиваться и процветать в любых сложных условиях (конflikта, неопределенности, риска)» [Павленко, 1994]. Н.Д. Казаков предложил определять безопасность как «динамически устойчивое состояние по отношению к неблагоприятным воздействиям и деятельности по защите от внутренних и внешних угроз, по обеспечению таких внутренних и внешних условий существования государства, которые гарантируют возможность стабильного всестороннего прогресса общества и его граждан» [Казаков, 1994]. М.А. Лесков отождествлял безопасность со способностью системы сохранять гомеостатическое равновесие, «под которым принято понимать тип динамического равновесия, характерный для сложных саморегулирующихся систем и состояний в поддержании существенно важных для сохранения системы параметров в допустимых пределах» [Лесков, 1994].

За рубежом в это же время сформировалось аналогичное понимание безопасности в динамике в рамках «копенгагенской школы» (О. Уэвер, Б. Бьюзан, Я. де Вильде и др.) [Buzan, Wæver, de Wilde, 1998; Buzan, Wæver, 2003]. Так, О. Уэвер считает, что безопасность — это «способность общества сохранять свой специфический характер, несмотря на изменяющиеся условия и реальные или виртуальные угрозы» [Identity, migration, and the new security agenda in Europe, 1993: 219].

В более развернутом виде динамическое понимание безопасности представлено в работах А.Д. Богатунова, опубликованных в середине 1990-х — начале 2000-х годов [Богатунов, 1996: 49–73; Богатунов, 1997: 37–58; Богатунов, Косолапов, Хрусталева, 2002: 145–171]. Ученый предложил сразу три близких по смыслу толкования: «Если безопасность подразумевает искомое состояние государства или системы, то стабильность — тип смены их реальных состояний, которые могут характеризоваться большей или меньшей безопасностью. Или по-другому: безопасность воплощает отсутствие угроз для выживания, а стабильность — способность компенсировать такие угрозы в случае их возникновения за счет внутренних адаптационных возможностей системы. Наконец, третий вариант: стабильность — это равномерно отклоняющийся тип движения, средней линией которого можно считать отсутствие угрозы выживанию системы, с которым и отождествляется безопасность» [Богатунов, Косолапов, Хрусталева, 2002: 155].

Как известно, в технических науках понятие «устойчивость» отражает способность системы реагировать малыми отклонениями выходного сигнала на малые изменения входного, т.е. возвращаться к равновесному состоянию, из которого она выводится возмущающими или управляющими воздействиями, не уходить «вразнос» при отклонении параметров системы от номинальных и влиянии на нее дестабилизирующих факторов. Данная аналогия вполне уместна при определении стратегической стабильности в мирополитической системе.

Обеспечение международной безопасности в таком случае заключается в том, чтобы непрерывно поддерживать относительное равновесие системы в процессе ее функционирования, компенсируя возникающие возмущения для погашения или ослабления их эффекта. Категории «международная безопасность» при таком (динамическом) подходе соответствует стабильное (равновесное) состояние мирополитической системы.

Если стабильность последней понимается как способность сохранять свое равновесное состояние при внешних воздействиях, то необходимо уточнить, какое состояние считается равновесным и что соответственно есть равновесие в мировой политике, а также что является для нее внешней средой, из которой поступают возмущающие воздействия.

В качестве внешней среды в данной работе рассматривается вся техносфера, без деления ее на «военную» и «гражданскую». Что же касается равновесия, то, по мнению автора (которое, вероятно, захотят оспорить специалисты по конфликтологии), все разнообразие ситуаций в мировой политике можно свести к трем состояниям,

названным для простоты «Мир», «Кризис» и «Война». Переход системы из одного состояния в другое происходит под влиянием внутренних и внешних воздействий. Равновесным состоянием международной системы является «Мир», а «Кризис» и «Война» — неравновесными. При этом «Кризис» — особый случай, разновидность мирного существования, поскольку это еще не война, а военная сила применяется главным образом опосредованно (но не только, например, может осуществляться блокада, как это было во время Карибского кризиса). В то же время «Кризис» и «Война» — различные фазы межгосударственного конфликта. Развитие ситуации на Украине, в Сирии и Йемене в 2014–2015 гг. еще раз показывает, что в силу иерархического устройства мирополитической системы одно и то же событие для одних участников мировой политики является «Войной», а для других — «Кризисом». Так, вооруженный конфликт на востоке Украины оказался для Донецка, Луганска и Киева войной, а для России, Евросоюза и США — серьезным политическим кризисом.

В этой связи необходимо отметить, что если в политических документах используется понятие «стратегическая стабильность», то в современной науке наряду с ним применяются еще три термина: «кризисная стабильность» (crisis stability), почти идентичный ему «стабильность по отношению к первому удару» (first-strike stability) и «стабильность гонки вооружений» (arms race stability). В первом и втором случаях имеется в виду, что ситуация стабильна, если даже в состоянии острого политического кризиса у каждой из противоборствующих сторон отсутствуют стимулы для нарушения равновесия путем нанесения первого удара по противнику³ [Schelling, 1960, 1966]. В третьем случае стабильность оценивается по наличию либо отсутствию стимулов для получения преимуществ путем

---

³ Wilkening D., Watman K. Strategic defenses and first-strike stability. Santa Monica: RAND Corporation, 1986. Available at: <http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/reports/2006/R3412.pdf> (accessed: 12.09.2015); Wilkening D., Watman K., Kennedy M., Darilek R. Strategic defenses and crisis stability. Santa Monica: RAND Corporation, 1989. Available at: <http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/notes/2005/N2511.pdf> (accessed: 22.09.2015); Kent G.A. Thinking about America's defense: An analytical memoir. Santa Monica: RAND Corporation, 2008; Kent G.A., DeValk R.J., Thaler D.E. A calculus of first-strike stability. Santa Monica: RAND Corporation, 1988. Available at: <http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/notes/2007/N2526.pdf> (accessed: 21.09.2015); Kent G.A., Thaler D.E. First-strike stability: A methodology for evaluating strategic forces. Santa Monica: RAND Corporation, 1989. Available at: <http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/reports/2008/R3765.pdf> (accessed: 23.09.2015); Kent G.A., Thaler D.E. First-strike stability and strategic defenses: Part II of a methodology for evaluating strategic forces. Santa Monica: RAND Corporation, 1990. Available at: <http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/reports/2009/R3918.pdf> (accessed: 23.09.2015).

резкого наращивания своего военного потенциала⁴ [Wohlstetter, 1974a, 1974b; Gray, 1975, 1980].

При этом кризис — неизбежный этап в развитии мирополитической системы, а выражением ее стабильности служит вероятность перехода конфликта из фазы «Кризис» в фазу «Война». Роль технологического фактора при этом состоит в создании возможностей, влияющих на принимаемые политические решения, реализация которых ведет к нарушению равновесия в системе.

Очевидно, что на международной арене каждое государство оказывает воздействие не просто на соседей и другие страны, а на военно-политическую обстановку в целом, т.е. на всю мировую систему. Государственные органы каждой страны (и шире — руководящие структуры актора мировой политики) оценивают обстановку с точки зрения своих жизненно важных интересов. Если обстановка этим интересам соответствует, то государство (или иной актор) принимает меры для поддержания состояния равновесия в системе. В противном случае мероприятия принимают характер возмущений, нацеленных на изменение параметров системы в желаемом направлении — приведение обстановки в соответствие с интересами. Результаты проводимой государством политики воздействуют на внешнюю среду, видоизменяя военно-политические условия, складывающиеся непосредственно вокруг данной страны либо в большем масштабе — вплоть до глобального уровня. При этом мероприятия государств (акторов), направленные на защиту своих интересов, становятся причиной нарушения равновесия в международной системе.

Для описания данного механизма, связывающего национальную и международную безопасность, Дж. Герцем был предложен термин «дилемма безопасности» [Herz, 1950, 1951]. Практически одновременно с выходом работ этого автора появилось одно из первых определений стабильности в мировой политике. Его дал в 1949 г. интересовавшийся военно-политическими проблемами английский физик Л.Ф. Ричардсон. В опубликованной посмертно работе он предложил понимать под стабильностью набор условий, при которых система международных отношений сохраняет способность восстанавливать свое равновесие после воздействия возмущений. Нестабильность он рассматривал как отсутствие таких условий, что влечет нарастание в системе изменений до определенного значения критических параметров, после чего наступает

---

⁴ Marshall A.W. Long-term competition with the Soviets: A framework for strategic analysis. Santa Monica: RAND Corporation, 1972. Declassified 30 March 2010. Available at: <https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/reports/2014/R862.pdf> (accessed: 22.09.2015).

ее распад [Richardson, 1960: 67]. Нетрудно заметить, что появление работ Дж. Герца и Л.Ф. Ричардсона было реакцией на ликвидацию атомной монополии США, остающуюся до сих пор одним из ярких примеров воздействия технологического фактора на стабильность мирополитической системы и демонстрирующую механизм компенсации возмущения, вызванного появлением ядерного оружия.

Произошедшее в 1949 г. первое расширение «ядерного клуба» может служить также иллюстрацией так называемого парадокса безопасности. Как уже было отмечено, мероприятия в области военного строительства не просто воздействуют на другие государства, а являются возмущением в системе. При этом каждая страна стремится укрепить собственную безопасность мерами, которые воспринимаются другими акторами как повышающие их военную уязвимость. Их ответные действия направляются на компенсацию возможных преимуществ государства, добившегося увеличения своего военного потенциала. Как правило, это ответный рост потенциалов других стран, обесценивающий достижения одного актора по укреплению своей безопасности. В результате инициатор изменений может получить не прирост, а уменьшение своей национальной безопасности. Как отмечает Дж. Тальяферро, «...государство, стремящееся к повышению своей безопасности посредством наращивания вооружений, непреднамеренно приводит в действие цепь событий, которые в конечном итоге снижают его безопасность» [Taliaferro, 2000/2001: 129]. Именно это и произошло после ликвидации атомной монополии США в 1949 г. Таким образом, если замена понятия «стратегическая стабильность» на «стабильность гонки вооружений» не оправдана, то рассмотрение второго в качестве компонента первого вполне справедливо.

Ключевые моменты в процессе принятия военно-политических и военно-технических решений, влияющих на стабильность, — классификация действий другой стороны и выработка ответных мероприятий. В этой связи «дилемма безопасности» распадается на две задачи, которые получили названия «дилемма интерпретации» и «дилемма реагирования» [Booth, Wheeler, 2008]. Решение первой («дилеммы интерпретации») позволяет решить и вторую («дилемму реагирования»), а также определить перечень адекватных мер, компенсирующих результаты деятельности другой стороны и возвращающих систему в состояние равновесия (уточним — нового равновесия).

При решении первой задачи необходимо правильно определить мотивы, намерения и возможности другой стороны по изменению соотношения сил, характер проводимых противником мероприятий. В условиях значительной неопределенности отно-

сительно того, где, как и какие будут возникать угрозы безопасности, решать эту задачу приходится с помощью организации мониторинга техносферы, ранней диагностики и «сканирования горизонта» технологий, а также моделирования инноваций в ходе военных игр и учений, опираясь при оценке реакций другой стороны главным образом на метод экспертных оценок («играя за противника»). Очевидно, что задача не может быть решена со 100% гарантией в силу существования фактора внезапности, поэтому необходимо минимизировать последствия его использования противником.

Дестабилизирующая роль потенциала внезапного нападения обусловлена прежде всего теми возможностями резкого изменения «номинального» соотношения сил в пользу одного из акторов, которые предоставляют подобные действия [Кокошин, 1989]. Субъективные выводы, основанные на оценке объективного соотношения военных потенциалов и диапазона возможностей, обеспечиваемых внезапным нападением, в свою очередь являются стимулом для принятия решения о действиях, нарушающих равновесие в мирополитической системе. Фактор внезапности воспринимается как «умножитель силы», который дает возможность победить противника, обладающего равным или даже превосходящим (по формальным показателям) потенциалом. Представления о возникающих возможностях соответственно стимулируют практические действия (нападение).

Вводя в рассмотрение фактор внезапности при оценивании стабильности, следует учитывать его многомерную природу. Так, отечественный военный теоретик Н.П. Михневич на рубеже XIX–XX вв. выделял три формы: внезапность идей, внезапность действий (зависящая от скрытности и быстроты), внезапность техники [Михневич, 1911: 47–63]. Подобное членение представляется справедливым и в современных условиях. Первая форма внезапности проявляется при использовании совершенно неожиданных для оппонента концепций применения сил и средств вооруженной борьбы, что зачастую приводит к парализующим волю противника последствиям. Используется, как правило, на высших уровнях военного искусства. Вторая форма — внезапность действий — применяется на всех уровнях военного дела. Она достигается, например, нанесением ударов в неожиданном для противоборствующей стороны месте, в нестандартной форме и т.п.

Техническая внезапность заключается в подключении неизвестных противнику технологий или использовании уже знакомых, но в новом качестве или новым способом. Для этой формы за рубежом применяется термин «технологическая внезапность», введенный в современном понимании директором Агентства по перспектив-

ным оборонным научно-исследовательским проектам (Defense Advanced Research Projects Agency — DARPA) Дж. Хайльмайером в 1976 г. [Heilmeyer, 1976; Handel, 1987]. В него могут включаться и явления, относимые по отечественной классификации к «внезапности действий», поскольку понятие «технологии» трактуется достаточно широко, вплоть до того, что «военная технология» по смыслу уподобляется технологии производственной (способу получения готового изделия), и в нее, таким образом, включаются формы и методы ведения вооруженной борьбы.

* * *

Характерным примером роли фактора технологической внезапности и его влияния на стратегическую стабильность в то время, когда самого термина еще не существовало, может служить деятельность в США в 1954–1955 гг. так называемой комиссии Киллиана. Ее появление было реакцией на ликвидацию второй — водородной — монополии Соединенных Штатов. Это стало полной неожиданностью для Вашингтона, уверовавшего в то, что «русские украли бомбу», а после разгрома сети «атомного шпионажа» американцы смогут надолго сохранить свое технологическое превосходство. Неслучайно руководство этой комиссией Д. Эйзенхауэр возложил на президента Массачусетского технологического института Дж. Киллиана, ставшего впоследствии его советником по науке. По мнению президента, если технологии создали проблему уязвимости Белого дома, то технологии же должны и решить ее [Damms, 2000]. Актуальность этой задачи подтвердил Советский Союз спустя месяц после образования комиссии, продемонстрировав на параде 1 мая 1954 г. первый экземпляр межконтинентального бомбардировщика М-4.

Рекомендации комиссии, представленные президенту США 14 февраля 1955 г., сводились к следующему: повысить возможности наступательных сил за счет перехода от авиационной «монады» к стратегической «триаде»; развить разведывательные способности; усилить стратегическую оборону; обеспечить безопасность и надежность системы стратегического управления и связи; подготовить необходимые кадры⁵. В соответствии с первой рекомендацией было форсировано создание межконтинентальной баллистической ракеты (МБР) «Атлас», начаты работы по второй МБР

---

⁵ Meeting the threat of surprise attack. The Report to the President by the Technological Capabilities Panel of the Science Advisory Committee. 14 February 1955 // Foreign Relations of the United States. 1955–1957. Vol. XIX. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1990. P. 41–56. В данной публикации воспроизведена только часть доклада, рассекреченного с большими изъятиями.

«Титан», двум баллистическим ракетам средней дальности — «Юпитер» для армии и «Тор» для военно-воздушных сил, — а также баллистическим ракетам для флота (сначала «Юпитер», затем — «Полярис»). Наиболее известными результатами осуществления второй рекомендации стали самолет U-2 и запуск спутниковой разведки. Согласно третьей рекомендации были возобновлены работы по противоракетной обороне (ПРО), приведшие к началу 1960-х годов к созданию системы «Найк Зевс» [Ваусом, 1992].

Одна из главных идей доклада — отдать приоритет баллистическим ракетам в строительстве стратегических ядерных сил (СЯС) — была принята Д. Эйзенхауэром на заседании Совета национальной безопасности США в сентябре 1955 г. В то же время проблема, вынесенная в название доклада Дж. Киллиана — «Противодействие угрозе внезапного нападения», — оставалась в повестке дня. Более того, резкий рост суммарного мегатоннажа стратегических арсеналов СССР и США благодаря внедрению мощных термоядерных зарядов и начало практического применения МБР в 1957 г. сделали эту проблему одной из приоритетных при подготовке нового саммита великих держав.

В рамках этой работы состоялся первый международный «мозговой штурм» по вопросам стратегической стабильности. Мероприятие получило название «Совещание экспертов по изучению возможных мер, которые могут оказаться полезными для предотвращения внезапного нападения, и подготовке доклада правительствам по этому вопросу» и состоялось 10 ноября — 18 декабря 1958 г. в Женеве. В совещании участвовали делегации пяти государств Организации Варшавского договора (ОВД) — СССР, Чехословакии, Польши, Румынии, Албании — и пяти стран Североатлантического альянса (НАТО): США, Великобритании, Франции, Канады, Италии.

В ходе совещания эксперты двух сторон сформулировали противоположные подходы к решению поставленной задачи. Делегации государств ОВД отдали приоритет политическим параметрам, создающим условия для ликвидации угрозы внезапного нападения. Страны НАТО предложили искать параметры технологий, создающие возможности для внезапного нападения, т.е. решать задачу «от противного», как это принято при исследовании устойчивости в технических науках [Хайцман, 1970: 422–429; Suri, 1997].

В ходе подготовки к совещанию экспертов был впервые выявлен один из источников угрозы внезапного нападения как дестабилизирующего фактора — уязвимость военного потенциала одной из сторон, что повышает шансы на успех в противоборстве и служит для другой стороны стимулом к действиям (нарушению

равновесия в системе). Поскольку с точки зрения устойчивости системы важны не абсолютные значения военных потенциалов, а их соотношения (определяющие состояние равновесия), «дилемма безопасности» работает и с «обратным знаком», когда к нарушению равновесия в системе приводит не увеличение военного потенциала одного из государств, а его существенное снижение, воспринимаемое другими акторами как «окно возможностей».

Исторический опыт показывает, что оценки противника как «колосса на глиняных ногах» — серьезный стимул к принятию решения о внезапном нападении. Убедительными примерами могут служить события июня 1941 г. и июня 1967 г. (Шестидневная война), притом что конечные результаты внезапного нападения в данных случаях были различными. Таким образом, деградация военных возможностей государства становится для него источником военной опасности, генерируя в том числе угрозу внезапного нападения противника.

В одном из внутренних документов делегации США — докладе, представленном рабочей группой 15 августа 1958 г., — вероятно, впервые появилось понятие стабильности военно-политических отношений, причем в связке с уязвимостью стратегических ядерных сил. Авторы доклада отмечали, что «стабильность, т.е. отсутствие угрозы внезапного нападения, зависит не только от возможности проведения инспекций другой стороной и наличия [договорных. — *В.В.*] ограничений на силы противников, но и в значительной степени от уязвимости ядерных сил, предназначенных для нанесения удара возмездия <...>. Чрезвычайно важно снизить уязвимость данных сил до приемлемого уровня» [цит. по: Gerson, 2013: 30].

Данный вывод, развитый тогда же в работах А. Уолстеттера и Т. Шеллинга [Wohlstetter, 1959; Schelling, 1960], важен, поскольку не утратил своего значения до настоящего времени, а требование «выживаемости» потенциала ответного удара легло в основу представлений о стабильности взаимного сдерживания как одного из условий обеспечения военной безопасности государств в диадных ситуациях, когда СЯС двух сторон представляют собой единую «суперсистему», подчиняющуюся единой логике.

Женевское совещание экспертов 1958 г. не завершилось какими-либо политическими результатами в силу общего состояния мировой политики того периода. Для того чтобы проблема стратегической стабильности была кодифицирована, потребовалось еще более трех десятилетий. Необходимо было выполнить важное условие. Как показала практика, подходы сторон на совещании экспертов разошлись из-за различий в представлениях о двух компонентах военной доктрины государства — военно-технической и

политической, которые в действительности должны находиться в единстве, а не отрываться друг от друга и тем более не противопоставляться. Переход от противопоставления к объединению точек зрения на условия обеспечения стабильности занял около 20 лет и завершился при выработке мандата новых переговоров по ограничению стратегических вооружений (ОСВ).

Периодом формирования представлений о стратегической стабильности, складывавшихся под сильным влиянием технологического фактора, стали 1960-е годы. Первая рекомендация комиссии Киллиана была выполнена администрацией Д. Эйзенхауэра и перевыполнена его преемниками. Беспрецедентный рывок в строительстве СЯС завершился в 1967 г., когда на боевое дежурство была поставлена 1000-я МБР «Минитмен», а в море вышла 41-я атомная подводная лодка с баллистическими ракетами (ПЛАРБ), оснащенная ракетами «Поларис». В 1956 г. началась эксплуатация самолетов U-2, а в 1960 г. — спутников фоторазведки. В то же время возникла серьезная проблема с реализацией третьей рекомендации комиссии, касавшейся работ по ПРО.

Испытаниями системы «Найк Зевс» в 1961–1962 гг. была подтверждена принципиальная возможность перехвата одиночных головных частей баллистических ракет при получении своевременного целеуказания и отсутствии противодействия, но расчеты показывали, что строительство системы ПРО по всей территории США на принятых технических решениях нерационально [Wauson, 1992]. Вскоре после Карибского кризиса — в январе 1963 г. — Пентагон начал разработку новой системы, получившей временное обозначение «Найк Икс». В ее основу были положены новые технологии — радиолокационных станций (РЛС) с фазированной антенной решеткой и цифровой обработкой сигналов, два типа перехватчиков при двухэтапном построении. Система в принципе была работоспособной, но моделирование в 1964 г. группой специалистов под руководством бригадного генерала Г. Кента по заданию Р. Макнамары результатов обмена ядерными ударами между США и СССР привело к неутешительным для лоббистов ПРО выводам. Создание системы будет слишком дорогим, а усилия по наращиванию наступательных возможностей для преодоления ПРО обойдутся Советскому Союзу в несколько раз дешевле, чем работы США по укреплению обороны [Kent, 2008].

С одной стороны, этот вывод подталкивал Р. Макнамару к прекращению работ по системе ПРО, с другой — свидетельствовал о необходимости развертывания деятельности по оснащению ракет разделяющимися головными частями с индивидуальным наведением на цели (РГЧ ИН). На пути к принятию первого решения

лежали серьезные препятствия: деятельность лоббистов и информация разведки, снабжавшей президента Л. Джонсона данными о работах по ПРО в СССР (как сегодня ясно — недостоверными). Второе решение было принято в конце 1965 г., когда началась разработка РГЧ ИН для баллистических ракет подводных лодок (БРПЛ) («Поларис В3», позднее переименованный в «Посейдон») и МБР («Минитмен III») [Gibson, 1996; Norris, Polmar, 2009]. Новое оснащение ракет давало значительный прирост общего числа зарядов без необходимости в дальнейшем увеличения количества носителей и дорогостоящей инфраструктуры.

В развитие этого направления Р. Макнамара в ноябре 1966 г. инициировал проведение еще одной крупной научно-исследовательской работы (НИР), получившей название STRAT-X (STRATegic eXperimental). Министр поставил две задачи: широкую — определить оптимальный облик СЯС США для периода 1975–1990 гг., узкую — найти аргументы для закрытия проекта WS-120A. Данный проект создания тяжелой МБР с РГЧ ИН (от 10 до 28 боевых блоков) продвигался Военно-воздушными силами США и лоббистами как замена «Минитмену». По мнению Р. Макнамары, проект не соответствовал критерию «стоимость/эффективность» и не отвечал интересам поддержания стабильности. Такая ракета становилась чрезвычайно привлекательной целью для первого удара противника, если не обеспечена ее выживаемость. В этой связи перед исполнителями НИР была поставлена задача определить систему оружия, для которой будет минимальна стоимость боевого блока, способного выдержать первый удар противника и преодолеть гипотетическую «плотную» систему ПРО СССР. В ходе работы были рассмотрены 125 концепций, а победителем признан проект морской системы — новой БРПЛ ULMS (Undersea Long-range Missile System), получившей 5 лет спустя название «Трайидент», и новой подводной лодки для нее. Практически одновременно в Вашингтоне пришли к компромиссу по ПРО — в бюджете выделялись средства на «Найк Икс», но их расходование было возможно только после того, как администрация выяснит, насколько велика вероятность договориться с СССР о взаимном ограничении противоракетных систем.

В таком контексте и происходил советско-американский саммит в Глассборо в июне 1967 г. А.Н. Косыгин, прибывший в ООН в связи с Шестидневной войной, не имел полномочий для обсуждения вопросов контроля над вооружениями. Р. Макнамара и Л. Джонсон подготовили решения на случай его отказа — проекты ракетных систем с РГЧ ИН ближней («Минитмен III» и «Посейдон») и дальней (ULMS) перспективы в качестве асимметричного

ответа на ПРО. В итоге договориться не удалось. Работы по системе «Найк Икс» были формально закрыты. На смену пришли ее усеченные варианты: сначала «Сентинел» — «тонкая» система для защиты 17 американских городов от удара со стороны КНР (Р. Макнамара объявил об этом в сентябре 1967 г. в Сан-Франциско), затем «Сейфгард», предназначенная для прикрытия от 4 до 12 районов развертывания МБР (это решение приняла уже администрация Р. Никсона в марте 1969 г.). Летные испытания ракет с РГЧ ИН начались в 1968 г., а на вооружение МБР «Минитмен III» и БРПЛ «Посейдон» были приняты в 1970 и 1971 гг. соответственно, т.е. во время переговоров между СССР и США по ОСВ и ПРО.

К началу переговоров в 1969 г. в науке уже сформировались представления о стратегической стабильности [Wohlstetter, 1959; Schelling, 1960; Schelling, Halperin, 1961; Schelling, 1966; Holst, 1969], критериях ее определения и дестабилизирующих факторах, но достоянием политической практики они не стали. В результате в ходе переговоров была упущена возможность одновременного запрета РГЧ ИН и ПРО. Рассмотрение причин, сорвавших такую договоренность, в данной статье не представлено вследствие ограниченного объема, однако необходимо отметить, что достижение этого соглашения и закрепление в тексте Договоров ОСВ-1 и ПРО резко осложнили бы, а может быть, и сорвали ратификацию соглашений в США.

Доказательством данной версии служит реальный ход рассмотрения договоров, когда Комитет начальников штабов Соединенных Штатов выдвинул в качестве условий своего согласия гарантированное финансирование не только уже начатых программ с РГЧ ИН «Минитмен III», «Посейдон» и «Трайидент», но и новой — МХ, представлявшей собой уменьшенный вариант WS-120A с 10 боевыми блоками. Контрсилового потенциал этих систем оружия, по сути, обесценивал оба соглашения, прежде всего Договор ОСВ-1, «заморозивший» количество пусковых установок МБР и БРПЛ. Белый дом благодаря новым ракетам приобретал возможность нанесения контрсилового удара — как за счет общего наращивания количества боевых блоков, так и благодаря приданию контрсилowych способностей морскому компоненту СЯС с новыми БРПЛ «Трайидент I» и «Трайидент II», для которых разрабатывались весьма совершенные системы управления — Mk 4 и Mk 5 соответственно [Spinardi, 1994]. Разрушить таким способом стратегическую стабильность не удалось лишь потому, что стратегическая триада СССР к тому времени уже характеризовалась достаточным уровнем выживаемости, и нанесение обезоруживающего удара, в отличие от начала 1960-х годов, было невозможно.

Таким образом, если стратегическая стабильность на рубеже 1960–1970-х годов возросла благодаря установлению паритета между СССР и США, зафиксированного Договором ОСВ-1, то затем произошел перелом тенденции — стабильность начала снижаться в связи с внедрением целого ряда новых технологий. Помимо развертывания РГЧ ИН на МБР и БРПЛ этот процесс был спровоцирован ростом точности систем наведения (не только ядерных, но и обычных вооружений), а также созданием нового поколения крылатых ракет воздушного и морского базирования.

* * *

Договор ОСВ-2, подписанный в июне 1979 г., не смог заблокировать эту тенденцию, поскольку произошла «политизация» стратегической стабильности, и это понятие переместилось из сферы академических дискуссий на арену политической борьбы. Первый шаг в этом направлении был сделан во время дебатов в Конгрессе США вокруг системы ПРО в августе 1969 г. Данной трансформации способствовал и процесс ратификации Договоров ОСВ-1 и ПРО, когда согласие Сената было обусловлено гарантиями реализации названных ранее контрсилловых программ, дававших Вашингтону количественное и качественное стратегическое преимущество даже в условиях договорных ограничений. Однако в полной мере процесс политизации развернулся в середине 1970-х годов, когда стратегическая стабильность уже ассоциировалась с политикой «разрядки».

Роль, которую играла стратегическая стабильность в конце 1960-х годов (основанная на признании таких постулатов, как наличие паритета, ВГУ, критериев неприемлемого ущерба), перестала устраивать значительную часть американского военно-политического истеблишмента. Стратегическая стабильность предполагала формирование негласного «кодекса поведения» в ядерный век, признаваемого обеими державами. С одной стороны, это служило базой для начала диалога по контролю над вооружениями и заключения первых договоров (ОСВ и ПРО), с другой — стало молчаливым отказом от полной «свободы рук» в мировой политике, признанием пределов применимости военной силы в качестве политического инструмента в условиях постоянной угрозы эскалации ядерного конфликта. Это было выгодно Вашингтону в конце 1960-х годов, когда США были связаны войной в Индокитае и серьезными внутренними проблемами, а СССР демонстрировал экономический рост, быстро ликвидировал отставание по числу стратегических вооружений и, по американским оценкам, принимал серьезные усилия в сфере ПРО.

К середине 1970-х годов Соединенные Штаты пережили болезненный уход из Индокитая, Уотергейтский скандал и экономический кризис. Начала формироваться новая, консервативная повестка дня, в которой «разрядка» и стратегическая стабильность выглядели как подлежащее устранению препятствие, приносящее односторонние преимущества Советскому Союзу. Тем не менее достигнутый на рубеже 1960–1970-х годов стратегический паритет и возникшая тогда ситуация ВГУ до сих пор остаются факторами, непосредственно влияющими на мировую политику. Вернуть себе «свободу рук» Вашингтон мог, только «вынеся за скобки» ситуацию ВГУ и обесценив советские достижения. Наиболее убедительным свидетельством успехов СССР в то время было создание собственных систем с РГЧ ИН, несмотря на отставание в микроэлектронике. 26 декабря 1972 г. начались летные испытания первой МБР с РГЧ ИН (МР-УР-100), 21 февраля 1973 г. — второй (Р-36М), 9 апреля 1973 г. — третьей (УР-100Н). Национальные технические средства контроля США обнаружили это, показав, что уйти в отрыв вновь не удастся.

Становилось очевидно, что приобретение стратегических преимуществ возможно только с помощью асимметричных вариантов развития. Этот путь открывали появившиеся в начале 1970-х годов новые технологические возможности. Помимо новых инерциальных навигационных систем и бортовых цифровых вычислительных машин к ним относились корреляционно-экстремальные системы наведения и малогабаритные высокоэкономичные двигатели, позволившие возродить в качестве оружия стратегического назначения крылатые ракеты, первое поколение которых «сошло со сцены» к середине 1960-х годов. Сравнительно небольшая стоимость нового оружия позволяла быстро его производить и развертывать. Размещение крылатых ракет на платформах, не подпадающих под ограничения договоров по ОСВ, позволяло бесконтрольно наращивать общее количество ядерных зарядов. Так, изначально предлагалось разместить крылатые ракеты на ПЛАРБ вместо БРПЛ (в конечном счете эту идею частично реализовали начиная с 2002 г. на первых четырех подводных лодках типа «Огайо», но возникла она на 30 лет раньше в связи с Договором ОСВ-1), надводных кораблях основных классов, самолетах — бомбардировщиках и модификациях широкофюзеляжных гражданских лайнеров (например, Боинг-747 с боекомплектом из 72 ракет).

Кроме того, предполагалось, что высокая способность крылатых ракет прорывать оборону за счет трудности их обнаружения и перехвата на малых высотах заставит противника вкладывать значительные ресурсы в модернизацию противовоздушной обороны

(ПВО). Действительно, Советскому Союзу пришлось создавать такие дорогостоящие средства, как новое поколение РЛС обнаружения, авиационный комплекс дальнего радиолокационного обнаружения и управления А-50, авиационно-ракетный комплекс перехвата МиГ-31-33, целую линейку зенитно-ракетных систем.

Возможность рассредоточить крылатые ракеты на разнообразных скрытых и мобильных платформах в дополнение к новому поколению СЯС, ядром которого была морская система «Трайидент», создавала материальную основу для усовершенствования ядерной стратегии гибкого реагирования за счет новых возможностей по дозированной и избирательному применению ядерных сил и обеспечения эскалационного доминирования. Теоретически это должно было позволить вынести ситуацию ВГУ «за скобки» и вернуть Вашингтону «свободу рук» в мировой политике, поэтому данные технологии хорошо вписывались в стратегию, которая разрабатывалась с начала 1970-х годов в Пентагоне и Белом доме и была утверждена 17 января 1974 г. президентом Р. Никсоном в Меморандуме о решении по национальной безопасности № 242⁶, а более детально изложена в министерском докладе Дж. Шлесинджера на 1975 фин. г.⁷

Одновременно были предприняты энергичные усилия, с тем чтобы доказать, будто Москва использует разрядку и принцип стратегической стабильности для получения односторонних преимуществ. Летом 1976 г. по инициативе нового министра обороны Д. Рамсфелда и нового директора Центрального разведывательного управления (ЦРУ) Дж. Буша-ст. был проведен «эксперимент» по независимой оценке разведывательных данных о советском ядерном потенциале и перспективах его развития. Группа во главе с Р. Пайпсом, в состав которой входили П. Нитце, П. Вулфовиц и другие эксперты (Team B), пришла к выводу, что официальные разведывательные оценки являются заниженными, а интерпретация намерений СССР — неверной. В докладе группы утверждалось, что Советский Союз стремится не к паритету и стабильности, а к военному превосходству над США⁸.

---

⁶ National Security Decision Memorandum 242. Policy for Planning the Employment of Nuclear Weapons. 17 January 1974 // National Security Council. Available at: http://www.nixonlibrary.gov/virtuallibrary/documents/nsdm/nsdm_242.pdf (accessed: 23.09.2015).

⁷ Schlesinger R. Secretary of Defense James R. Schlesinger. FY 1975 Annual Defense Department Report. Available at: http://www.bits.de/NRANEU/others/strategy/1976-77_DoD_Annual_Report.pdf (accessed: 23.09.2015).

⁸ Intelligence Community Experiment in Competitive Analysis. Soviet Strategic Objectives — an Alternative View. Report of Team 'B'. December 1976 // The National Security Archive. Available at: <http://nsarchive.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB139/nitze10.pdf> (accessed: 23.09.2015).

В основе этих выводов лежал новый подход, который предполагал сравнение не количественных параметров, а качественных. При этом возникала проблема «чувствительной информации». Такие технические характеристики стратегических вооружений, как данные о точности систем управления и мощности ядерных зарядов, не могли быть предметом публичного обсуждения и закладываться в тексты документов по контролю над вооружениями из-за необходимости их верификации. Тем не менее был найден такой параметр, который качественно характеризовал боевую эффективность оружия, но был достаточно «грубым», чтобы не раскрыть «чувствительной информации». Этим параметром стал «забрасываемый вес» (throw weight), обозначающий «применительно к МБР или БРПЛ последнюю ступень, которая осуществляет операцию разведения боеголовок — суммарный вес этой ступени, включая ее топливо и неотделяемые от данной ступени элементы, на момент первого отделения боеголовки или средства преодоления обороны, а также ее полезную нагрузку»⁹. Именно по этому параметру Советский Союз получал преимущество, развертывая в составе Ракетных войск стратегического назначения группировку тяжелых МБР с РГЧ ИН типа Р-36М. 30 декабря 1975 в СССР были приняты на вооружение три упомянутые ранее новые МБР с РГЧ ИН.

В январе 1976 г. вышла статья П. Нитце «Обеспечение стратегической стабильности в эпоху разрядки», в которой был введен новый критерий — соотношение сил по «забрасываемому весу» до и после удара одной из сторон. Из текста следовало, что СССР будет иметь преимущество по так называемому остаточному потенциалу (residual potential) — суммарному «забрасываемому весу» ядерных сил, выживших после первого удара, — и сможет использовать этот фактор для оказания политического давления на США в кризисных ситуациях [Nitze, 1976].

Главный же вывод заключался в том, что если Москва будет двигаться в том же направлении, а Вашингтон не предпримет усилий для того, чтобы обесценить (offset) советское преимущество (повышая выживаемость своих сил за счет развертывания мобильных МБР и придания контрсилловых свойств морскому компоненту), то в 1980-е годы возникнет «окно уязвимости» (window of vulnerability), когда ударом только части своих МБР Советский Союз уничтожит до 90% наземной группировки американских СЯС.

---

⁹ Протокол о забрасываемом весе МБР и БРПЛ в связи с Договором между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений. Доступ: http://www.lawrussia.ru/texts/legal_383/doc383a284x620.htm (дата обращения: 12.09.2015).

При этом П. Нитце исключал из рассмотрения такие факторы, как общее превосходство США по количеству ядерных зарядов и более высокую выживаемость СЯС в целом за счет большего удельного веса морского компонента. Год спустя аргументы П. Нитце повторил в своем ежегодном докладе министр обороны Д. Рамсфелд¹⁰.

Благодаря усилиям американской дипломатии параметр «забрасываемый вес» вошел в текст Договора ОСВ-2, при этом общее количество ядерных зарядов на стратегических носителях не ограничивалось, а новый вид оружия — крылатые ракеты — был выведен из-под ограничений. Решение задачи обеспечения стратегической стабильности откладывалось на будущее. Подписанное главами СССР и США одновременно с Договором ОСВ-2 «Совместное заявление о принципах и основных направлениях последующих переговоров об ограничении стратегических вооружений» подтверждало, что стороны «будут продолжать в целях уменьшения и предотвращения опасности возникновения ядерной войны поиски мер по укреплению стратегической стабильности, в том числе путем ограничения стратегических наступательных вооружений, в наибольшей степени дестабилизирующих стратегическое равновесие, а также путем мер по уменьшению и предотвращению опасности внезапного нападения»¹¹. Будучи неотъемлемой частью не вступившего в силу Договора ОСВ-2, это заявление не стало нормой международного права, однако подпись Л.И. Брежнева под данным документом свидетельствует о признании советской стороной как самого понятия «стратегическая стабильность», так и его места в «системе координат» переговорного процесса.

Понадобилось еще около 10 лет, чтобы понятие стратегической стабильности было наконец кодифицировано. Произошло это применительно к другой категории — обычным вооружениям и вооруженным силам в Европе. Утверждая мандат переговоров по этим вопросам, представители 23 государств — членов НАТО или ОВД определили, что их целью является «укрепление стабильности и безопасности в Европе путем установления стабильного и безопасного баланса обычных вооруженных сил, которые включают обычные вооружения и технику, на более низких уровнях; ликвидации неравенств, наносящих ущерб стабильности и безопасности; и лик-

---

¹⁰ Report of Secretary of Defense Donald H. Rumsfeld to the Congress on the FY 1978 budget, FY 1979 authorization request and FY 1978–1982 defense programs. 17 January 1977. P. 32. Available at: http://www.bits.de/NRANEU/others/strategy/1978_DoD_Annual_Report-Sanitized.pdf (accessed: 20.09.2015).

¹¹ Совместное заявление о принципах и основных направлениях последующих переговоров об ограничении стратегических вооружений. Вена, 18 июня 1979 года. Доступ: <http://old.lawru.info/base29/part3/d29ru3949.htm> (дата обращения: 12.09.2015).

видации, в порядке приоритета, потенциала для осуществления внезапного нападения и для начала крупномасштабных наступательных действий»¹².

Выработка этого документа стала результатом «мозгового штурма», прототипом которого было совещание экспертов в 1958 г. Однако на этот раз обсуждение проходило не за одним столом, а на различных международных площадках, где ученые работали параллельно с дипломатами. Политическим контекстом данного процесса стали сложившиеся в первой половине 1980-х годов представления о возможности победы в войне в Европе без перехода ядерного порога. При этом у каждой стороны — ОВД и НАТО — были свои рецепты победы. ОВД в большей степени опиралась на новые способы и формы ведения военных действий, НАТО же полагалась на технологические инновации, прежде всего высокоточное оружие. Обе точки зрения были компонентами одной «революции в военном деле», оказавшейся в поле зрения участников «мозгового штурма» [Кокошин, 1988а; Кокошин, Ларионов, 1988]. Следует отметить, что принятый критерий отбора включаемых в мандат переговоров военных технологий, оказывающих дестабилизирующее влияние, имел истоки в межвоенном периоде — в опыте работы Конференции по разоружению и ее Подготовительной комиссии [Зубок, Кокошин, 1989].

Результаты «штурма» на этот раз (в отличие от 1958 г.) были восприняты на политическом уровне. Мандат переговоров по обычным вооружениям и вооруженным силам в Европе стал документом не блоковым, а общеевропейским, поэтому его нормы о соотношении стабильности и потенциала внезапного нападения сохранили значение после исчезновения межблокового противостояния и актуальны до сегодняшнего дня, даже после того, как в марте 2015 г. Договор об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) фактически прекратил существование.

Практически одновременно и во многом тем же составом участников осуществлялся «мозговой штурм» в сфере ядерных вооружений и ПРО. В его основе лежали осмысление последствий развертывания нового поколения стратегических наступательных вооружений в начале 1980-х годов, дискуссия вокруг «Стратегической оборонной инициативы» Р. Рейгана, предусматривавшей созда-

---

¹² Итоговый документ Венской встречи 1986 года представителей государств — участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, состоявшейся на основе положений Заключительного акта, относящихся к дальнейшим шагам после Совещания. Вена, 19 января 1989 года. Приложение III. Мандат переговоров по обычным вооруженным силам в Европе. Доступ: <http://russia.bestpravo.ru/fed1991/data02/tex13063.htm> (дата обращения: 12.09.2015).

ние широкомасштабной системы ПРО с элементами космического базирования, а также споры о возможных вариантах реагирования СССР [Геловани, Пионтковский, 2008; Кокошин, 1988b, 2013; Кокошин, Арбатов, Васильев, 1987а, 1987b; Кокошин, Сагдеев, Васильев, 1989; Стратегическая стабильность в условиях радикальных сокращений ядерных вооружений, 1987].

Результаты и этого «штурма» были восприняты на политическом уровне, что позволило сделать следующий шаг в кодификации понятия стратегической стабильности — принять «Совместное заявление относительно будущих переговоров по ядерным и космическим вооружениям и дальнейшему укреплению стратегической стабильности», подписанное президентами СССР и США 1 июня 1990 г. В этом документе отмечалось: «Цель этих переговоров будет состоять в том, чтобы еще более уменьшить опасность возникновения войны, особенно ядерной войны, обеспечить стратегическую стабильность, транспарентность и предсказуемость посредством дальнейших стабилизирующих сокращений стратегических арсеналов обеих стран <...>. Это будет достигнуто путем поиска договоренностей, повышающих выживаемость, устраняющих стимулы для нанесения первого ядерного удара и воплощающих соответствующую взаимосвязь между стратегическими наступательными и оборонительными средствами»¹³. В отличие от сферы обычных вооружений, данный документ является двусторонним, но это не умаляет его значения, поскольку до сих пор именно в таком формате и осуществляется контроль над ядерными вооружениями.

* * *

В настоящее время методология анализа стабильности, основанная на рассмотрении диадной ситуации (США—СССР/Россия), подвергается сомнению на том основании, что международные отношения в современном мире сложнее биполярного противостояния «холодной войны». В этой связи при обсуждении перспектив перехода к процессу контроля над ядерными вооружениями в многостороннем формате вместе с понятием ВГУ и «неприемлемого ущерба», которые считаются устаревшими, отбрасывается и само представление о стратегической стабильности [Савельев, 2013].

---

¹³ Совместное заявление относительно будущих переговоров по ядерным и космическим вооружениям и дальнейшему укреплению стратегической стабильности от 1 июня 1990 г. // Вестник Министерства иностранных дел СССР. 1990. № 13. С. 59–60.

С этим трудно согласиться. Во-первых, реальные варианты развития мирополитической системы, как правило, могут быть сведены к диадным ситуациям. Во-вторых, условия ВГУ между Россией и США при существующих параметрах СЯС сохраняются, хотя и не декларируются в качестве характеристики отношений двух государств. О преждевременности отбрасывания понятия ВГУ говорит и тот факт, что в современной науке критерии «ядерной зимы» аргументированно пересматриваются в сторону снижения. По современным оценкам, уже не сотни, а десятки ядерных зарядов способны вызвать катастрофические последствия [Mills, Toon, Lee-Taylor, Robock, 2014; Robock, Oman, Stenchikov, 2007]. В-третьих, нет оснований заменять «неприемлемый ущерб» каким-либо другим параметром, поскольку только «неприемлемость» для другой стороны может служить эффективным фактором сдерживания. Речь должна идти не об отказе от самого понятия, а об уточнении параметров ущерба в конкретных случаях [Цырендоржиев, 2015].

Проблема стратегической стабильности напрямую связана с последствиями вооруженных конфликтов, наносимым ущербом. Это имеет отношение не только к ядерному оружию, но и к обычному, поскольку еще в 1980-е годы в ходе «мозгового штурма» было показано, что в таком регионе, как Европа, последствия применения обычных вооружений могут быть сравнимы с использованием оружия массового уничтожения. Именно поэтому критерии анализа технологий, влияющих на стратегическую стабильность, должны находиться в непосредственной связи со сдерживанием. Очевидно, что чем выше стратегическая стабильность, тем ниже вероятность применения оружия, в том числе ядерного. Однако способность оружия быть примененным — одно из важнейших условий убедительности сдерживания, а потенциальный ущерб — его важнейшая характеристика. В этой связи может быть предложен компромисс: по аналогии с понятием «стабилизирующие сокращения», принятым для переговоров, представляется целесообразным ввести термин «стабилизирующее сдерживание». Потенциал такого сдерживания убедителен и выполняет свои политические функции, но вместе с тем не нарушает равновесия в мирополитической системе, стимулируя нанесение внезапных ударов.

Выявить параметры такого сдерживания очень непросто в силу большого количества неопределенностей, связанных с технологическим фактором (в первую очередь следует отметить такие направления, как технологии мгновенного глобального удара, новые решения в области ПРО, средства поражения космических аппаратов и возможности проведения кибератак). Однако, как свиде-

тельствует все изложенное, при определенных условиях данная задача может быть решена.

Кристаллизация представлений о стратегической стабильности и критериев ее определения, проложившая путь к кодификации данного понятия в конце 1980-х годов, происходила в ходе имевшего международный характер «мозгового штурма» в области обычных и ядерных вооружений. Результатом стала выработка важнейших соглашений по контролю над вооружениями — ДОВСЕ и Договора СНВ-1. В том, что эти документы перестали отвечать реалиям, виноваты не заложенные в них формулы стабильности, выработанные совместными усилиями ученых СССР, США и Европы, а радикальные перемены в мировой политике. За прошедшие после окончания «холодной войны» четверть века так и не было предпринято серьезных попыток повторить опыт «штурма» для совместной выработки новых формул стратегической стабильности — в сфере обычных вооружений в Европе в отсутствие межблокового противостояния, а в области стратегических вооружений — в условиях «второго ядерного века», одной из характеристик которого служит многополярность. Есть надежда, что драматические события в мировой политике 2014–2015 гг. все же послужат импульсом для начала нового «мозгового штурма» в области стратегической стабильности и шире — международной безопасности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анин А. Влияние стратегических наступательных вооружений в ядерном оснащении на стратегическую стабильность // Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 6. С. 45–55.
2. Арбатов А.Г. и др. Стратегическая стабильность после холодной войны. М.: ИМЭМО РАН, 2010.
3. Арбатов А.Г., Дворкин В.З. Стратегическая стабильность до и после «холодной войны» // Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 3. С. 3–11.
4. Арбатов А.Г., Дворкин В.З., Ознобишев С.К. Россия и дилеммы ядерного разоружения. М.: ИМЭМО РАН, 2012.
5. Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945–1995). М.: Сюита, 1997.
6. Богатуров А.Д. Современные теории стабильности и международные отношения России в Восточной Азии в 1970–1990-е гг. М.: МОНФ, 1996.
7. Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. М.: НОФМО, 2002.
8. Богатуров А.Д., Плешаков К.В. Динамика международной стабильности // Международная жизнь. 1991. № 2. С. 35–46.

9. Веселов В.А. Ядерный фактор в мировой политике: структура и содержание // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2010. № 1. С. 68–90.

10. Геловани В.А., Пионтковский А.А. Эволюция концепций стратегической стабильности: ядерное оружие в XX и XXI веке. М.: URSS, 2008.

11. Жинкина И.Ю. Стабильность международных отношений как фактор национальной безопасности // США: экономика, политика, идеология. 1993. № 3. С. 13–22.

12. Журавлев А.Л., Нестик Т.А., Соснин В.А. Психологические аспекты стратегической стабильности и ядерного сдерживания // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 2. С. 5–24.

13. Зубок В., Кокошин А. Упущенные возможности 1932 года? // Международная жизнь. 1989. № 1. С. 124–134.

14. Казаков Н.Д. Безопасность и синергетика (опыт философского осмысления) // Безопасность: Информационный сборник. 1994. № 4 (20). С. 62–63.

15. Кокошин А.А. К вопросу о внезапности // Военная мысль. 1989. № 1. С. 62–68.

16. Кокошин А.А. Опыт взаимодействия гуманитарного, естественнонаучного и инженерного знания в исследовании проблем стратегической стабильности в мировой политике [На примере отработки стратегии «асимметричного ответа» на СОИ Президента США Р. Рейгана] // Лекции и доклады членов Российской академии наук в СПбГУП (1993–2013): В 3 т. / Сост., науч. ред. А.С. Запесоцкий. Т. 1. СПб.: СПбГУП, 2013. С. 447–461.

17. Кокошин А.А. Проблемы обеспечения стратегической стабильности: теоретические и прикладные вопросы. М.: URSS, 2011.

18. Кокошин А.А. Развитие военного дела и сокращение вооруженных сил и обычных вооружений // Мировая экономика и международные отношения. 1988. № 1. С. 20–32.

19. Кокошин А.А. Россия в современной системе обеспечения глобальной стабильности: политика и восприятие. М.: ЛКИ, 2008.

20. Кокошин А.А. Сокращение ядерных вооружений и стратегическая стабильность // США: экономика, политика, идеология. 1988. № 2. С. 3–11.

21. Кокошин А.А., Арбатов А.Г., Васильев А.А. Ядерное оружие и стратегическая стабильность (статья первая) // США: экономика, политика, идеология. 1987. № 9. С. 3–13.

22. Кокошин А.А., Арбатов А.Г., Васильев А.А. Ядерное оружие и стратегическая стабильность (статья вторая) // США: экономика, политика, идеология. 1987. № 10. С. 17–24.

23. Кокошин А.А., Картунов А.В. Стабильность и изменения в международных отношениях // США: экономика, политика, идеология. 1987. № 7. С. 3–12.

24. Кокошин А.А., Ларионов В.В. Противостояние сил общего назначения в контексте обеспечения стратегической стабильности // Мировая экономика и международные отношения. 1988. № 6. С. 22–31.

25. Кокошин А.А., Сагдеев Р.З., Васильев А.А. Стратегическая стабильность в условиях радикальных сокращений ядерных вооружений (краткий отчет об исследовании). М.: Наука, 1989.

26. Лесков М.А. Гомеостатические процессы и теория безопасности // Безопасность: Информационный сборник. 1994. № 4 (20). С. 66–67.

27. Михневич Н.П. Стратегия. Кн. I. СПб: «В. Березовский», 1911.

28. Павленко С.З. Философия безопасности страны: поиск новых подходов // Социально-политические аспекты обеспечения государственной безопасности в современных условиях: Сборник статей. М.: Граница, 1994.

29. Песковец И.Д. Эволюция концепций стратегической стабильности в середине XX — начале XXI века // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. Вып. 117. СПб., 2009. С. 330–334.

30. Проскурин С.А. Обороноспособность в системе национальной безопасности страны // Военная мысль. 1992. № 3. С. 59–61.

31. Проскурин С.А. Проблемы разработки военной политики России // ПОЛИС (Политические исследования). 1995. № 4. С. 146–151.

32. Ромашкина Н.П. Стратегическая стабильность в современной геополитической системе. Роль Российской Федерации в процессе совершенствования механизмов ее обеспечения // Вестник Академии военных наук. 2007. № 2. С. 46–54.

33. Ромашкина Н.П. Стратегическая стабильность в современной системе международных отношений. М.: Научная книга, 2008.

34. Савельев А.Г. О многостороннем подходе к проблеме ядерного разоружения // Российский совет по международным делам. О многостороннем подходе к проблеме ядерного разоружения. Рабочая тетрадь № IX. М.: Спецкнига, 2013. С. 4–15.

35. Стратегическая стабильность в условиях радикальных сокращений ядерных вооружений / А. Кокошин, В. Акимов, А. Арбатов и др. М.: ИСКАН, 1987.

36. Фененко А.В. Понятие ядерной стабильности в современной политической теории. М.: КомКнига; URSS, 2006.

37. Фененко А.В. Проблематика ядерной стабильности в современной зарубежной политологии // Международные процессы. 2004. Т. 2. № 3. С. 40–53.

38. Фененко А.В. Режим стратегической стабильности в отношениях России и США: поиск компромисса // Ситуационные анализы. Т. 3. М.: МГИМО-Университет, 2013. С. 151–164.

39. Фененко А.В. Современные политологические концепции ядерной стабильности // Мировая политика: теория, методология, прикладной анализ / Под ред. А.А. Кокошина, А.Д. Богатурова. М.: URSS, 2005. С. 257–286.

40. Хайцман В.М. СССР и проблема разоружения. 1945–1959: История международных переговоров. М.: Наука, 1970.

41. Цырендоржиев С.Р. Методический подход к обоснованию баланса военных и невоенных мер при решении задачи стратегического сдержи-

вания в доядерный период // Вооружение и экономика. 2015. № 4 (33). С. 18–30.

42. Ядерное оружие и стратегическая стабильность: поиски российско-американского консенсуса в XXI веке. М.: Спецкнига, 2012.

43. Vaucom D.R. The origins of SDI, 1944–1983. Lawrence: University Press of Kansas, 1992.

44. Booth K., Wheeler N.J. The security dilemma: fear, cooperation and trust in world politics. Basingstoke: Palgrave, 2008.

45. Bracken P.J. The command and control of nuclear forces. New Haven: Yale University Press, 1983.

46. Buzan B., Wæver O. Regions and powers: the structure of international security. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2003.

47. Buzan B., Wæver O., Wilde J. Security: A new framework for analysis. Boulder: Lynne Rienner Publishing, 1998.

48. Damms R.V. James Killian, the Technological Capabilities Panel, and the emergency of president Eisenhower' 'Scientific-Technological Elite' // Diplomatic History. 2000. Vol. 24. No. 1. P. 57–78.

49. Gerson M.S. The origins of strategic stability: the United States and the threat of surprise attack // Strategic stability: contending interpretations / Ed. by E.A. Colby, M.S. Gerson. Carlisle: Strategic Studies Institute and U.S. Army War College Press, 2013. P. 1–46.

50. Gibson J.N. Nuclear weapons of the United States. Atglen: Schiffer Publishing Ltd, 1996.

51. Gray C.S. SALT II and the strategic balance // British Journal of International Studies. 1975. Vol. 1. No. 3. P. 183–208.

52. Gray C.S. Strategic stability reconsidered // Daedalus. 1980. Vol. 109. No. 4. P. 135–154.

53. Handel M. Technological surprise in war // Intelligence and National Security. 1987. Vol. 2. No. 1. P. 1–53.

54. Heilmeyer G. Guarding against technological surprise // Air University Review. 1976. Vol. 27. No. 5. P. 2–7.

55. Herz J. Idealist internationalism and the security dilemma // World Politics. 1950. Vol. 2. No. 2. P. 157–180.

56. Herz J. Political realism and political idealism: a study in theories and realities. Chicago: Chicago University Press, 1951.

57. Holst J. Strategic arms control and stability: a retrospective look // Why ABM? Policy issues in the missile defense controversy / Ed. by J. Holst, W. Schneider, Jr. New York: Pergamon Press, 1969. P. 245–284.

58. Identity, migration, and the new security agenda in Europe / O. Wæver et al. New York: St. Martin's Press, 1993.

59. Kent G.A. Thinking about America's defense: An analytical memoir. Santa Monica: RAND Corporation, 2008.

60. Koblenz G.D. Strategic stability in the second nuclear age. Council on Foreign Relations. Council Special Report. No. 71, November 2014. Available at: <http://www.cfr.org/nonproliferation-arms-control-anddisarmament/strategic-stability-second-nuclear-age/p33809> (accessed: 22.10.2015).

61. Mills M., Toon O., Lee-Taylor J., Robock A. Multi-decadal global cooling and unprecedented ozone loss following a regional nuclear conflict // *Earth's Future*. 2014. Vol. 2. No. 4. P. 161–176.
62. Nitze P.H. Assuring strategic stability in an era of détente // *Foreign Affairs*. 1976. Vol. 54. No. 2. P. 207–232.
63. Nitze P.H. Deterring our deterrent // *Foreign Policy*. 1976–1977. No. 25. P. 195–210.
64. Norris R.S., Polmar N. U.S. nuclear arsenal: A history of weapons and delivery systems since 1945. Annapolis: Naval Institute Press, 2009.
65. Nye J.S. Jr., Allison G.T., Carnesale A. Analytic conclusions: Hawks, doves, and owls // *Hawks, doves, and owls: An agenda for avoiding nuclear war* / Ed. by G.T. Allison, A. Carnesale, J.S. Nye. New York: Norton, 1985.
66. Richardson L.F. Arms and insecurity: a mathematical study of the causes and origins of war. Chicago: Quadrangle Books, 1960.
67. Robock A., Oman L., Stenchikov G.L. Nuclear winter revisited with a modern climate model and current nuclear arsenals: Still catastrophic consequences // *Journal of Geophysical Research. Atmospheres*. 2007. Vol. 112. No. D13107. Available at: <http://climate.envsci.rutgers.edu/pdf/Robock-NW2006JD008235.pdf> (accessed: 23.10.2015).
68. Sagan S.D. 1914 revisited: allies, offense, and instability // *International Security*. 1986. Vol. 11. No. 2. P. 151–175.
69. Schelling T. Arms and influence. New Haven: Yale University Press, 1966.
70. Schelling T. Strategy of conflict. Cambridge: Harvard University, 1960.
71. Schelling T., Halperin M.H. Strategy and arms control. New York: The Twentieth Century Fund, 1961.
72. Spinardi G. From Polaris to Trident: the development of US Fleet ballistic missile technology. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
73. Suri J. America's search for a technological solution to the arms race: The Surprise Attack Conference of 1958 and a challenge for 'Eisenhower Revisionists' // *Diplomatic History*. 1997. Vol. 21. No. 3. P. 417–451.
74. Taliaferro J.W. Security seeking under anarchy. Defensive realism revisited // *International security*. 2000/2001. Vol. 25. No. 3. P. 128–161.
75. Wirtz J.J. Beyond bipolarity: Prospects for nuclear stability after the Cold War // *The absolute weapon revisited* / Ed. by T.V. Paul, R. Harknett, J.J. Wirtz. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1998. P. 137–163.
76. Wohlstetter A. The delicate balance of terror // *Foreign Affairs*. 1959. Vol. 37. No. 2. P. 211–234.
77. Wohlstetter A. Is there a strategic arms race? // *Foreign Policy*. 1974. No. 15. P. 3–20.
78. Wohlstetter A. Rivals but no 'race' // *Foreign Policy*. 1974. No. 16. P. 48–81.
79. Yost D.S. Strategic stability in the Cold War: Lessons for continuing challenges. IFRI 2011. Available at: <https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/pp36yost.pdf> (accessed: 23.10.2015).

THE ROLE OF TECHNOLOGICAL FACTOR IN TRANSFORMING PARAMETERS OF STRATEGIC STABILITY

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

A dramatic increase in conflict intensity in world politics has drawn attention of both scholars and experts to the challenges of system stability, which were first conceptualized in the 1960–1980s. Between 1992 and 2013 numerous scholars expressed a clear willingness to reject the notion of strategic stability as a vestige of the Cold War but a suitable alternative to this term is yet to be found. Moreover, there is a need to reinterpret basic principles of strategic stability. Regardless of any dissimilarities between approaches, all experts in strategic stability examine the following sequence ‘technological innovations — military capabilities — political consequences’, focusing on one element or another, as well as on the linkages between them. This paper raises the question about how stability and security interplay in international relations and studies the role of the technological factor at three distinctive historical stages: 1) a period formation of conceptions on strategic stability (the late 1950s — the late 1960s); 2) a phase of transformation of strategic stability from a purely scholarly conception to an instrument in political struggle (second half of the 1970s); 3) a period of reconceptualization after the Cold War. The crystallization of conceptions of strategic stability and its criteria, which paved the way to a codification of this concept in the late 1980s, occurred in the process of an international brainstorm in the sphere of conventional and nuclear armaments. The outcomes of this brainstorming activity were two pivotal international agreements — the Treaty on Conventional Forces in Europe and the START-I Treaty. In the last quarter of a century there have been no attempts to replay the experience of such a brainstorm in order to elaborate collectively some new formulas of strategic stability — pertaining to both conventional armaments in Europe (in the absence of an interblock rivalry), and strategic armaments (in the context of the Second Nuclear Age characterized, in particular, by multipolarity). In the conclusion the author expresses his hope that dramatic international events of 2014–2015 will provide stimulus for launching a new brainstorm in the sphere of strategic stability and international security.

Keywords: international security, world political system, security dilemma, strategic stability, technological factor, arms control, nuclear weapons, conventional armaments.

About the author: *Vasilii A. Veselov* — Senior Lecturer at the Chair of International Security, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: vves@fmp.msu.ru).

Acknowledgements: This work has been accomplished with a financial support from the Russian Foundation for Humanities, research project № 15-37-11136 ‘The Impact of Technological Factors on Parameters of National and International Security, Military Conflicts and Strategic Stability’.

REFERENCES

1. Anin A. 2011. Vliyaniye strategicheskikh nastupatel'nykh vooruzhenii v neyadernom osnashchenii na strategicheskuyu stabil'nost' [Influence of strategic offensive armaments in non-nuclear outfit on strategic stability]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 6, pp. 45–55. (In Russ.)
2. Arbatov A.G. et al. 2010. *Strategicheskaya stabil'nost' posle kholodnoi voiny* [Strategic stability after the Cold War]. Moscow, IMEMO RAN Publ. (In Russ.)
3. Arbatov A.G., Dvorkin V.Z. 2011. Strategicheskaya stabil'nost' do i posle 'kholodnoi voiny' [Strategic stability before and after Cold War]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 3, pp. 3–11. (In Russ.)
4. Arbatov A.G., Dvorkin V.Z., Oznobishchev S.K. 2012. *Rossiya i dilemmy yadernogo razoruzheniya* [Russia and the dilemmas of nuclear disarmament]. Moscow, IMEMO RAN Publ. (In Russ.)
5. Bogaturov A.D. 1997. *Velikie derzhavy na Tikhom okeane. Istoriya i teoriya mezhdunarodnykh otnoshenii v Vostochnoi Azii posle vtoroi mirovoi voiny (1945–1995)* [Great powers in the Pacific. History and theory of international relations in the Eastern Asia after World War II (1945–1995)]. Moscow, Sjuita Publ. (In Russ.)
6. Bogaturov A.D. 1996. *Sovremennyye teorii stabil'nosti i mezhdunarodnye otnosheniya Rossii v Vostochnoi Azii v 1970–1990-e gg.* [Modern theories of stability and Russia's international relations in the Eastern Asia in the 1970–1990s]. Moscow, MONF Publ. (In Russ.)
7. Bogaturov A.D., Kosolapov N.A., Khrustalev M.A. 2002. *Ocherki teorii i metodologii politicheskogo analiza mezhdunarodnykh otnoshenii* [Essays on theory and methodology of political analysis of international relations]. Moscow, NOFMO Publ. (In Russ.)
8. Bogaturov A.D., Pleshakov K.V. 1991. Dinamika mezhdunarodnoi stabil'nosti [Dynamics of international stability]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*, no. 2, pp. 35–46. (In Russ.)
9. Veselov V.A. 2010. Yadernyi faktor v mirovoi politike: struktura i sodержanie [Nuclear factor in world politics: Substance and structure]. *Moscow University Journal of World Politics*, no. 1, pp. 68–90. (In Russ.)
10. Gelovani V.A., Piontkovskii A.A. 2008. *Evolyutsiya kontseptsii strategicheskoi stabil'nosti: Yadernoe oruzhie v XX i XXI veke* [Evolution of strategic stability concept: Nuclear weapons in the 20th and the 21st centuries]. Moscow, URSS Publ. (In Russ.)
11. Zhinkina I.Yu. 1993. Stabil'nost' mezhdunarodnykh otnoshenii kak faktor natsional'noi bezopasnosti [Stability in international relations as a factor for national security]. *SShA: ekonomika, politika, ideologiya*, no. 3, pp. 13–22. (In Russ.)
12. Zhuravlev A.L., Nestik T.A., Sosnin V.A. 2011. Psikhologicheskie aspekty strategicheskoi stabil'nosti i yadernogo sderzhivaniya [Political aspects of strategic stability and nuclear deterrence]. *Psikhologicheskii zhurnal*, vol. 32, no. 2, pp. 5–24. (In Russ.)
13. Zubok V., Kokoshin A. 1989. Upushchennyye vozmozhnosti 1932 goda? [Missed opportunities of 1932?]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*, no. 1, pp. 124–134. (In Russ.)
14. Kazakov N.D. 1994. Bezopasnost' i sinergetika (opyt filosofskogo osmysleniya) [Security and synergetic (philosophical reflection)]. *Bezopasnost': Informatsionnyi sbornik*, no. 4 (20), p. 62–63. (In Russ.)

15. Kokoshin A.A. 1989. K voprosu o vnezapnosti [On the surprise effect]. *Voennaya mysl'*, no. 1, pp. 62–68. (In Russ.)
16. Kokoshin A.A. 2013. *Opyt vzaimodeistviya gumanitarnogo, estestvenno-nauchnogo i inzhenernogo znaniya v issledovanii problem strategicheskoi stabil'nosti v mirovoi politike* [Interaction of humanitarian, scientific and engineering knowledge in the analysis of the strategic stability issues in world politics]. St. Petersburg, pp. 447–461. (In Russ.)
17. Kokoshin A.A. 2011. *Problemy obespecheniya strategicheskoi stabil'nosti: Teoreticheskie i prikladnye voprosy* [Ensuring strategic stability: theoretical and applied questions]. Moscow, URSS. (In Russ.)
18. Kokoshin A.A. 1988a. Razvitie voennogo dela i sokrashchenie vooruzhennykh sil i obychnykh vooruzhenii [Development of military art and the reduction of armed forces and conventional armaments]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 1, pp. 20–32. (In Russ.)
19. Kokoshin A.A. 2008. *Rossiya v sovremennoi sisteme obespecheniya global'noi stabil'nosti: politika i vospriyatie* [Russia in the contemporary system of global stability: Politics and perception]. Moscow, LKI Publ. (In Russ.)
20. Kokoshin A.A. 1988b. Sokrashchenie yadernykh vooruzhenii i strategicheskaya stabil'nost' [Reduction of nuclear weapons and strategic stability]. *SShA: ekonomika, politika, ideologiya*, no. 2, pp. 3–11. (In Russ.)
21. Kokoshin A.A., Arbatov A.G., Vasil'ev A.A. 1987a. Yadernoe oruzhie i strategicheskaya stabil'nost' (stat'ya pervaya) [Nuclear weapons and strategic stability (Part I)]. *SShA: ekonomika, politika, ideologiya*, no. 9, pp. 3–13. (In Russ.)
22. Kokoshin A.A., Arbatov A.G., Vasil'ev A.A. 1987b. Yadernoe oruzhie i strategicheskaya stabil'nost' (stat'ya vtoraya) [Nuclear weapons and strategic stability (Part II)]. *SShA: ekonomika, politika, ideologiya*, no. 10, pp. 17–24. (In Russ.)
23. Kokoshin A.A., Kortunov A.V. 1987. Stabil'nost' i izmeneniya v mezhdunarodnykh otnosheniyakh [Stability and changes in international relations]. *SShA: ekonomika, politika, ideologiya*, no. 7, pp. 3–12. (In Russ.)
24. Kokoshin A.A., Larionov V.V. 1988. Protivostoyanie sil obshchego naznacheniya v kontekste obespecheniya strategicheskoi stabil'nosti [General purpose forces confrontation in the context of strategic stability]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 6, pp. 22–31. (In Russ.)
25. Kokoshin A.A., Sagdeev R.Z., Vasil'ev A.A. 1989. *Strategicheskaya stabil'nost' v usloviyakh radikal'nykh sokrashchenii yadernykh vooruzhenii (kratkii ochet ob issledovanii)* [Strategic stability in the context of radical reductions of nuclear arms (report on research)]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)
26. Leskov M.A. 1994. Gomeostaticheskie protsessy i teoriya bezopasnosti [Homeostatic processes and the security theory]. *Bezopasnost': Informatsionnyi sbornik*, no. 4 (20), pp. 66–67. (In Russ.)
27. Mikhnevich N.P. 1911. *Strategiya* [Strategy]. St. Petersburg, 'V. Berzovskii' Publ. (In Russ.)
28. Pavlenko S.Z. 1994. Filosofiya bezopasnosti strany: poisk novykh podkhodov [Philosophy of the country's security: In search of the new approaches]. *Sotsial'no-politicheskie aspekty obespecheniya gosudarstvennoi bezopasnosti*

v *sovremennykh usloviyakh* [Social and political aspects of state security in the modern context]. Moscow, Granitsa Publ. (In Russ.)

29. Peskovets I.D. 2009. Evolyutsiya kontseptsii strategicheskoi stabil'nosti v seredine XX — nachale XXI veka [Evolution of the strategic stability concept in the mid-20th — the beginning of the 21st centuries]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A.I.Gertsena*, iss. 117, pp. 330–334. (In Russ.)

30. Proskurin S.A. 1992. Oboronosposobnost' v sisteme natsional'noi bezopasnosti strany [Defense capacity in the system of the country's national security]. *Voennaya mysl'*, no. 3, pp. 59–61. (In Russ.)

31. Proskurin S.A. 1995. Problemy razrabotki voennoi politiki Rossii [The issues of Russia's military policy development]. *Polis (Politicheskije issledovaniya)*, no. 4, p. 146. (In Russ.)

32. Romashkina N.P. 2007. Strategicheskaya stabil'nost' v sovremennoi geopoliticheskoi sisteme [Strategic stability in the contemporary geopolitical system]. *Vestnik Akademii voennykh nauk*, no. 2, pp. 46–54. (In Russ.)

33. Romashkina N.P. 2008. *Strategicheskaya stabil'nost' v sovremennoi sisteme mezhdunarodnykh otnoshenii* [Strategic stability in the contemporary system of international relations]. Moscow, Nauchnaya kniga Publ. (In Russ.)

34. Savel'ev A.G. 2013. O mnogostoronnem podkhode k probleme yadernogo razoruzheniya [On multilateral approach to nuclear disarmament]. In *O mnogostoronnem podkhode k probleme yadernogo razoruzheniya. Rabochaya tetrad' No. IX* [On multilateral approach to nuclear disarmament. Working paper no. IX]. Moscow, Spetskniga Publ., pp. 4–15. (In Russ.)

35. Kokoshin A., Akimov V., Arbatov A. et al. 1987. *Strategicheskaya stabil'nost' v usloviyakh radikal'nykh sokrashchenii yadernykh vooruzhenii* [Strategic stability in the context of radical reductions of nuclear arms (report on research)]. Moscow, ISKAN Publ. (In Russ.)

36. Fenenko A.V. 2006. *Ponyatie yadernoi stabil'nosti v sovremennoi politicheskoi teorii* [The concept of nuclear stability in the contemporary political theory]. Moscow, KomKniga; URSS Publ. (In Russ.)

37. Fenenko A.V. 2004. Problematika yadernoi stabil'nosti v sovremennoi zarubezhnoi politologii [Nuclear stability issues in the contemporary Western political science]. *Mezhdunarodnye protsessy*, vol. 2, no. 3, pp. 40–53. (In Russ.)

38. Fenenko A.V. 2013. Rezhim strategicheskoi stabil'nosti v otnosheniyakh Rossii i SShA: poisk kompromissa [Strategic stability regime in the Russian-US relations: In search of a compromise]. *Situatsionnye analizy*, vol. 3. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., pp. 151–164. (In Russ.)

39. Fenenko A.V. 2005. Sovremennye politologicheskie kontseptsii yadernoi stabil'nosti [Contemporary political concepts of nuclear stability]. In Kokoshin A.A., Bogaturov A.D. (eds.). *Mirovaya politika: teoriya, metodologiya, prikladnoi analiz* [World politics: Theory, methodology, applied research]. Moscow, URSS Publ., pp. 257–286. (In Russ.)

40. Khaitzman V.M. 1970. *SSSR i problema razoruzheniya. 1945–1959: Istoriya mezhdunarodnykh peregovorov* [The Soviet Union and the disarmament issues. 1945–1959: The history of international negotiations]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

41. Tsyrendorzhiev S.R. 2015. Metodicheskii podkhod k obosnovaniyu balans voennykh i nevoennykh mer pri reshenii zadachi strategicheskogo sderzhivaniya v doядadernyi period [Methodological approach to balancing military and non-military measures to address the issues of strategic deterrence in the prenuclear period]. *Vooruzhenie i ekonomika*, no. 4 (33), pp. 18–30. (In Russ.)
42. *Yadernoe oruzhie i strategicheskaya stabil'nost': poiski rossiisko-amerikanskogo konsensusa v XXI veke* [Nuclear weapons and strategic stability: In search of the Russian-US consensus in the 21st century]. 2012. Moscow, Spetskniga Publ. (In Russ.)
43. Baucom D.R. 1992. *The origins of SDI, 1944–1983*. Lawrence, University Press of Kansas.
44. Booth K., Wheeler N.J. 2008. *The security dilemma: Fear, cooperation and trust in world politics*. Basingstoke, Palgrave.
45. Bracken P.J. 1983. *The command and control of nuclear forces*. New Haven, Yale University Press.
46. Buzan B., Wæver O. 2003. *Regions and powers: the structure of international security*. Cambridge; New York, Cambridge University Press.
47. Buzan B., Wæver O., Wilde J. 1998. *Security: A new framework for analysis*. Boulder, Lynne Rienner Publishing.
48. Damms R.V. 2000. James Killian, the Technological Capabilities Panel, and the emergency of president Eisenhower' 'Scientific-Technological Elite'. *Diplomatic History*, vol. 24, no. 1, pp. 57–78.
49. Gerson M.S. 2013. The origins of strategic stability: the United States and the threat of surprise attack. In Colby E.A., Gerson M.S. (eds.). *Strategic stability: contending interpretations*. Carlisle, Strategic Studies Institute and U.S. Army War College Press, pp. 1–46.
50. Gibson J.N. 1996. *Nuclear weapons of the United States*. Atglen, Schiffer Publishing Ltd.
51. Gray C.S. 1975. SALT II and the strategic balance. *British Journal of International Studies*, vol. 1, no. 3, pp. 183–208.
52. Gray C.S. 1980. Strategic stability reconsidered. *Daedalus*, vol. 109, no. 4, pp. 135–154.
53. Handel M. 1987. Technological surprise in war. *Intelligence and National Security*, vol. 2, no. 1, pp. 1–53.
54. Heilmeyer G. 1976. Guarding against technological surprise. *Air University Review*, vol. 27, no. 5, pp. 2–7.
55. Herz J. 1950. Idealist internationalism and the security dilemma. *World Politics*, vol. 2, no. 2, pp. 157–180.
56. Herz J. 1951. *Political realism and political idealism: a study in theories and realities*. Chicago, Chicago University Press.
57. Holst J. 1969. Strategic arms control and stability: a retrospective look. In Holst J., Schneider W. (eds.). *Why ABM? Policy issues in the missile defense controversy*. New York, Pergamon Press, pp. 245–284.
58. Wæver O. et al. 1993. *Identity, migration, and the new security agenda in Europe*. New York, St. Martin's Press.
59. Kent G.A. 2008. *Thinking about America's defense: An analytical memoir*. Santa Monica, RAND Corporation.

60. Koblentz G.D. 2014. *Strategic stability in the second nuclear age*. Council on Foreign Relations. Council Special Report, no. 71. Available at: <http://www.cfr.org/nonproliferation-arms-control-anddisarmament/strategic-stability-second-nuclear-age/p33809> (accessed: 22.10.2015).

61. Mills M., Toon O., Lee-Taylor J., Robock A. 2014. Multi-decadal global cooling and unprecedented ozone loss following a regional nuclear conflict. *Earth's Future*, vol. 2, no. 4, pp. 161–176.

62. Nitze P.H. 1976. Assuring strategic stability in an era of détente. *Foreign Affairs*, vol. 54, no. 2, pp. 207–232.

63. Nitze P.H. 1976–1977. Deterring our deterrent. *Foreign Policy*, no. 25, pp. 195–210.

64. Norris R.S., Polmar N. 2009. *U.S. nuclear arsenal: A history of weapons and delivery systems since 1945*. Annapolis, Naval Institute Press.

65. Nye J.S. Jr., Allison G.T., Carnesale A. 1985. Analytic conclusions: Hawks, doves, and owls. In Allison G.T., Carnesale A., Nye J.S. (eds.). *Hawks, doves, and owls: An agenda for avoiding nuclear war*. New York, Norton.

66. Richardson L.F. 1960. *Arms and insecurity: A mathematical study of the causes and origins of war*. Chicago, Quadrangle Books.

67. Robock A., Oman L., Stenchikov G.L. 2007. Nuclear winter revisited with a modern climate model and current nuclear arsenals: Still catastrophic consequences. *Journal of Geophysical Research. Atmospheres*, vol. 112, no. D13107. Available at: <http://climate.envsci.rutgers.edu/pdf/RobockNW2006JD008235.pdf> (accessed: 23.10.2015).

68. Sagan S. D. 1986. 1914 revisited: allies, offense, and instability. *International Security*, vol. 11, no. 2, pp. 151–175.

69. Schelling T. 1966. *Arms and influence*. New Haven, Yale University Press.

70. Schelling T. 1960. *Strategy of conflict*. Cambridge, Harvard University.

71. Schelling T., Halperin M.H. 1961. *Strategy and arms control*. New York, The Twentieth Century Fund.

72. Spinardi G. 1994. *From Polaris to Trident: the development of US Fleet ballistic missile technology*. Cambridge, Cambridge University Press.

73. Suri J. 1997. America's search for a technological solution to the arms race: The Surprise Attack Conference of 1958 and a challenge for 'Eisenhower Revisionists'. *Diplomatic History*, vol. 21, no. 3, pp. 417–451.

74. Taliaferro J.W. 2000/2001. Security seeking under anarchy. Defensive realism revisited. *International security*, vol. 25, no. 3, pp. 128–161.

75. Wirtz J.J. 1998. Beyond bipolarity: Prospects for nuclear stability after the Cold War. In Paul T.V., Harknett R., Wirtz J.J. (eds.). *The absolute weapon revisited*. Ann Arbor, University of Michigan Press, pp. 137–163.

76. Wohlstetter A. 1959. The delicate balance of terror. *Foreign Affairs*, vol. 37, no. 2, pp. 211–234.

77. Wohlstetter A. 1974a. Is there a strategic arms race? *Foreign Policy*, no. 15, pp. 3–20.

78. Wohlstetter A. 1974b. Rivals but no 'race'. *Foreign Policy*, no. 16, pp. 48–81.

79. Yost D.S. *Strategic stability in the Cold War: Lessons for continuing challenges*. IFRI 2011. Available at: <https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/pp36yost.pdf> (accessed: 23.10.2015).